

Элизабет окутывала мгла. По черному небу неслись штормовые тучи, поглощавшие свет.

— Мамочка! — испуганно позвал ее Джонни.

— Тише, дитя мое. Все будет хорошо. Нам только нужно найти папу, и мы будем в безопасности.

Элизабет крепко взяла сына за руку, и они побежали дальше.

Буря бушевала. Ветки и песок кружились в воздухе, ничего нельзя было увидеть на расстоянии вытянутой руки. Ревущий ветер заглушал звуки, но Элизабет точно знала, что преследователи шли за ними по пятам — их разделяло всего несколько метров. Порывистый ветер хлестал по лицу, ноги спотыкались об обломки, которые вынесло штормом на берег.

— Остановитесь! — услышала Элизабет крик, донесшийся сквозь шквальный ветер. — Не бойтесь меня!

Но женщина понимала, что, если они остановятся, этот человек убьет и ее, и Джонни.

— Элизабет! — кричал Гарольд. — Не убегай. Я ведь люблю тебя!

Конечно, он лгал: злобный человек не способен любить. Все его чувства казались отражением ненависти, из-за которой он уничтожал любого, осмелившегося встать у него на пути.

Женщина обернулась и увидела блеснувший нож. Она подняла руку, пытаясь защититься, и вскрикнула.

В тот же миг возле нее очутился Дункан. Он обнимал ее.

— Ш-ш-ш. Все хорошо, любимая. Это всего лишь сон.

Элизабет, всхлипывая, наконец-то проснулась. Она прижалась к теплому телу Дункана:

— Я снова видела его! Он хотел убить меня и Джонни...

— Он гниет в могиле, Лиззи. Этот тип больше никому ничего не сделает.

Женщина сама видела, как Гарольд Данмор простился с жизнью в ту ночь, когда бушевал ураган. Но воспоминания все еще преследовали ее. Даже после смерти свекру удавалось проникать в ее сны и вселять в нее ужас.

Элизабет глубоко дышала, пытаясь успокоиться. Близость Дункана помогла ей взять себя в руки. Женщина постепенно расслабилась.

— Придет время, и мы уедем отсюда, — пробормотала она, прильнув к мужскому плечу. — Мы и так слишком долго здесь живем. Я ненавижу этот дом! Он проклят.

— Это всего лишь дом.

— Это его дом.

— Он умер.

— Все равно. Это здание душит меня.

— Осталось всего три дня, Лиззи. Они пролетят незаметно.

Дункан свесил ноги с кровати, отодвинул москитную сетку и зажег свечу. Когда он обернулся к Элизабет, мерцающий свет озарил его широкоплечую фигуру.

— Так лучше?

Женщина молча кивнула, понимая, что будут новые ночные кошмары. Но сейчас она была рядом с Дунканом, в безопасности. Сын спал в соседней комнате. Если небо будет к ним благосклонно, вскоре они будут баюкать еще одного ребенка.

Дункан приблизился к жене и зарылся лицом в ее волосы.

— Все будет хорошо. — Он произнес это так решительно, что Элизабет поверила ему.

Они вместе прислушивались к шуму ночной непогоды. Деревянные ставни хлопали от порывов ветра, дождевые капли монотонно стучали по отливу.

— Скоро наступит новый день.

Дункан погладил округлившийся живот жены, коснулся ее расплывшейся груди. Его глаза мерцали в свете свечи, в улыбке было что-то дерзкое.

— Наверное, заснуть больше не удастся? Как думаешь?

Элизабет кивнула и ощутила, как его возбуждение передалось и ей, когда Дункан решительно, но нежно уложил ее на подушки и поцеловал. Он всегда знал, как отвлечь жену от дурных мыслей.

Элизабет направила кобылу на холм и бросила взгляд на маленькую укромную бухту. Жемчужина тихо фыркнула и замотала головой, принюхиваясь. Где-то неподалеку, в кустарнике, зашуршало какое-то животное. Элизабет, успокаивая, похлопала лошадь по шее.

Солнце висело низко, окрашивая море в медный цвет. В тропических широтах темнота наступала почти мгновенно. Недолгая игра огненных красок заката, от оранжевого и красного до темно-пурпурного, — и окружающий мир представал в ином свете. Потом все внезапно исчезало, лишь на морской глади виднелись нежные фиолетовые блики.

— Времени почти не осталось, — произнесла за ее спиной Деирдре. — Еще полчаса — и стемнеет.

Элизабет еще немного помедлила.

— Наверное, это в последний раз. Тридцати минут мне хватит.

Она решительно повернула Жемчужину к вершине холма, а юная служанка-ирландка, которая вот уже несколько лет сопровождала хозяйку во время конных прогулок, направила вслед за ней мерина, который раньше принадлежал Роберту.

Элизабет поймала себя на неприятных мыслях. Роберт был мертв, как и его отец Гарольд, но тяжелые воспоминания о нем продолжали жить в ее памяти. Его многоженство, вспышки гнева разрушили их брак, заключенный по расчету, превратили их жизнь в цепочку ошибок и привели к ужасным последствиям — смерти Роберта.

Но все это осталось в прошлом. Элизабет и люди, которых она любила, пережили это. Если чаще напоминать себе об этом, тени прошлого исчезнут.

Элизабет коснулась обручального кольца, которое надел ей на палец Дункан, взяв в жены перед лицом Господа.

Она принадлежала этому мужчине. Вместе с ним она могла оставить позади ужасные события и место, в которое ее занесло. Через два дня они выйдут в море и покинут Барбадос. Вот тогда для Элизабет начнется новая, настоящая жизнь.

Она доехала до пляжа и слезла с лошади. Не раздумывая, женщина сбросила с себя одежду и зашла в теплую воду.

Солнце огненным шаром висело над горизонтом, и, когда Элизабет поплыла и нырнула, у нее захватило дух: под ней, на морском дне, запылала коралловые рифы.

Большинство кораллов напоминали цветы, остальные казались выпуклостями, зубцами, трубками и складками. Они лениво раскачивались, предоставляя убежище всевозможной морской живности.

Элизабет заворожено наблюдала за стайкой блестящих синих рыбок, которые молниеносно разлетелись от рифа в разные стороны, испугавшись хищника. Небольшая акула снова опустилась на дно между причудливыми кораллами, ожидая новую добычу.

Элизабет неторопливо обогнула риф и вынырнула, чтобы глотнуть воздуха. Ей уже удавалось оставаться под водой довольно долго, задержав дыхание. Все зависело от тренировок, и она себе в них не отказывала. Дункан считал ее увлечение несколько опасным. Он все еще боялся, что Элизабет по неосторожности сделает вдох под водой и это непременно приведет к гибели. Если бы все было так, как хочет он, она давно бы отказалась от ныряний; впрочем, по настоянию мужа Элизабет все же стала уделять своему здоровью и безопасности больше внимания, ведь она была беременна.